

ОБОЖАТЕЛИ ПУШКИНА

По неизданным материалам

Их было много, обожателей Пушкина, среди известных, безыменных поэтов, с печатными стихотворными опытами и без оных. В силу общности профессии они полагали себя в некотором роде в родственных отношениях с великим поэтом, который — как никак — доводился им „братом“ по искусству. На этом основании без всяких церемоний прибегали они со своими нуждами к первому русскому поэту, утруждали его беседами и беспокоили письмами. Сношения с ними играют видную роль в образовании мелочей пушкинской жизни, и не последнее место среди корреспондентов Пушкина занимают его обожатели из литературной среды. Целая галерея типов — начиная с развязных проходимцев, желающих сорвать несколько ассигнаций с добродушного „брата по искусству“, и кончая восторженнейшими и благоговейными поклонниками поэта.

Вот двадцатилетний Никанор Иванов. В длиннейшем и запутаннейшем письме он объясняет Пушкину, что он уже „ожесточил свое сердце, омрачил ум сомнениями, юность, драгоценный перл жизни, запятнал

пороками, ожесточением и преступлениями". Но в несчастиях жизни оказываются виновными любовь к изящному и божественная искра поэзии, которую его воспитатели стремились утушить, утушили, но не совсем. „Эта полузатушенная искра превратилась в пламень — ах! не освещающий, не согревающий душу его, но сожигающий ее. Пылкий, неопытный он всеми силами старался, чтобы „для него были

„Жизнь и поэзия одно“.

Отсюда право на обращение к Пушкину: „О ты. Собрат мой по скорбной, печальной жизни — внемли мне, умоляю Тебя, если только жестокосердие, неблагодарность и злость людей не оледенили Твоего сердца. Я познал Тебя — и печальные, унылые строфы Твоих поэм были друзьями, утешителями моего увядшего сердца.—Надежда, единственный остаток от моей мгновенной юности, шепчет мне, что Ты не без сострадания услышишь голос собрата Твоего, ужасно обманутого мечтами и жизнью... Скрепив сердце... я испрашиваю у Вас денежного пособия не превышающего 550 рублей, с тем условием. что ежели Вы по благородству души Вашей дадите мне оное,— не будете отказываться принять оное обратно, когда труд и старание позволят мне возратить Вам вышеупомянутую сумму“.

Поэт Ф. Я. Кафтареv гораздо скромнее в своих денежных требованиях. Задумав издать собрание стихотворений и рассчитывая сим изданием „смягчить жестокое, несправедливое с ним обращение неумоли-

мой судьбы со дня самого рождения". Кафтареv пу-
стил подписной лист, на котором желающие его под-
держать отмечали свои фамилии и число заказанных
ими экземпляров, причем особые графы были для
особ, имеющих титул превосходительств, для особ,
имеющих титул высокоблагородия и т. д. Пушкин
записался на два экземпляра. Книжка Кафтарева дей-
ствительно вышла в 1832 году, с забавнейшим предис-
ловием: „Выдавая в свет стихотворения мои, я был
далеко от мысли занять даже последнее место в рядах
литераторов на просторном поле отечественной сло-
весности, ибо не имею ни тех обширных сведений,
ни тех возвышенных чувств, ни тех гениальных идей,
которыми ныне блещут Российские любимцы Апол-
лона; но единственно желаю отдать отчет обществу
в том, что остальное время от службы старался упо-
требить с пользою для себя, а может быть, и для
других!— Одушевленный сим, я на двадцать девятой
ступени жизни, куда взошел с великим трудом, отды-
хаю, как дряхлый старик, и едва ли достанет сил
продолжать дальнейший путь: так устал я под тяж-
ким бременем жестокой судьбы! С высоты сей об-
ращаю сердце мое к особам, удостоившим меня под-
пискою: благодарю вас искренно за нежное участие,
особенно прекрасный пол, которому обязан я много
раз счастливейшими днями жизни! Имена ваши обо-
вьются широким лавром вокруг чела моего и защитят
от зноя критики, если мелкий труд мой нечаянно
будет замечен ею“. В приложенном к книге списке
подписавшихся особ между высокородиями, но в крас-

ную строку и жирным шрифтом, выделен „поэт А. С. Пушкин“. Надо добавить, что Кафтарев был довольно плодовит и на редкость бездарен. Недаром и книжка его стихотворений „Петропольские ночи“ посвящена славному своей бездарностью и манерой писательства графу Д. И. Хвостову.

Интереснее Никаноров Ивановых и Кафтаревых бескорыстные поэты, которые хотели бы от Пушкина только доброго слова об их стихах. Таков, напр., печатавшийся в кое-каких альманахах и журналах Василий Яковлевич Мызников, в 1833 году состоявший адъютантом князя Хованского лейб-гвардии гренадерского полка. 19 сентября 1833 года он писал из Витебска, где стоял полк, Пушкину (письмо не издано):

Милостивейший государь, Александр Сергеевич,

Удостойте вспомнить того военного офицера, который два года тому назад спешил к Вам, по приезде в столицу, с изъяснением своего уважения. Разделяя вместе с другими просвещенными моими соотечественниками, любовь к Российской поэзии, которую Вы поселили в нас своими вековыми творениями, я решился теперь на подвиг довольно смелый: посвятить Вам одно из произведений моих кратких военных досугов. Почту себя счастливым, если Вы позволите оному украситься Вашим именем: для Парнасского новичка это будет ободрением самым лестным!

С чувством глубочайшего почтения имею честь быть
Вашим милостивейшим Государь
Покорнейшим слугой Василий Мызников

Трогательен поклонник Пушкина из совсем другой среды — Вячеслав Андреевич Коленов, обыватель захолустнейшего городка, Юрьева-Польского Владимирской губернии. Историю своего писательства он рассказал в письме к Пушкину (в мае 1835 года): „Я занимаюсь уже пять лет стихотворными сочинениями; но напечатать ничего не в состоянии: ибо я человек совершенно бедный, и стесненный бедствиями,— я потерял отца и мать в ранних годах жизни моей; получил после их большие долги; лишился состояния и расстроил здоровье“. И вот Коленов собрал свои произведения, тщательно переписал их в тетрадку и послал ее Пушкину. „Теперь, принося Вам песни уездной музы моей, прошу Вас благосклонно принять их, как застенчивых сирот, из отдаленных мест шествующих под Ваше покровительство! И тем поощрите, милостивый государь, слабый талант неопытного юноши, которого затмевает бедность и обесиливает горе!..“

На титульном листе тетради заголовок „Стихотворения, посвященные Александру Сергеевичу Пушкину. В. Коленов“ и эпиграф: „...удостою склонить свое внимание к лире певца, незнаемого в мире, но упоенного тобой!“ Тетрадка открывается большим стихотворением „Александру Сергеевичу Пушкину“. Это послание любопытно, как непритязательное свидетельство об искреннейшей восторженной любви захолустного обывателя к Пушкину и о том влиянии, которым пользовался Пушкин в тридцатых годах даже в такой далекой провинции. Стоит привести

целиком это стихотворение, и пусть хоть через сто лет удостоится печати муза Коленова.

Прими сей сбор моих стихов.
Тебе усердно посвященных.
Как незрелый плод трудов
Мои занятней смиренных.
В глуши уездной создала
Моя их муза молодая.
Где, вместе с юностью скучая,
Она, как Схимница, жила.
И юность в этой жизни скучной
Любила стих твой сладкозвучной
И волочилась без стыда
За музую твоей всегда.
Ты нам прелестными стихами
Кавказ далекий описал,
Как русский пленник там страдал,
И дева с черными очами,
С любовью девственной души
Ласкала пленника в тиши.
Или как в роскошах гарема
Страдала юная Зарема,
Как хана гордого любовь
То тухла, то горела вновь.
Или как Нулли сладострастной
Неосторожно пошалил
И от Лукреции прекрасной
Себе щеку схватил.
Иль как Онегин в вихрях моды
Мотал грядущие доходы,
Шалил, повесничал, любил,
И как он Ленского убил;
И как мила его Татьяна...
Мы в эту Таню влюблены,
И главы этого романа

Почти уж все затвержены.
Твоих стихов мила пам сладость,
Она отраду в душу льет;
С твоею грустью плачет младость,
С твоим восторгом вновь цветет,
И с радостью родится радость...
Нам муза Пушкина мила.
Она, как вольность, бесподвластна¹,
Как небо южное, светла,
Как азиатка, сладострастна...
И наша братья, молодежь,
Всё ловит, что ты ни споешь.
Твоей поэзии прелестной
Пнесы всюду ты найдешь:
В альбоме ль барышни уездной
Ты их начальными прочтешь,
В тетрадке ль юноши повесы,
В делах судебного писца
И в счетных книгах у купца,
Везде есть Пушкина пнесы,
Руси любимого Певца.
Поэт, любимец юных Граций,
О, Пушкин! Слава наших дней,
Живи, наш Северный Горадий,
И пой, прелестный Соловей,
Для славы русской и своей.

В тетради Коленова есть и эпилог, тоже посвященный Пушкину:

Стихи я эти выпускаю,
Как чад моих, благословил
И их Певцу Бахчи-Сарая

---

¹ Во избежание недоразумений, чтобы не увидали здесь намек политический, автор сделал к этому слову примечание: „Вольность нравственная“.

С живым восторгом посвятил.
Пусть сей Певец в Руси любимом
Прочтет досуги простяка,
И музе робкой и стыдливой
Хоть даст былинку для венка.

Скромностью Коленова не обладал неизвестный автор письма, написанного 19 июля 1836 года (не издано). Он тоже представил на суд Пушкина свой первый литературный опыт и от застенчивости впадал в тон необычайно развязный. Но письмо его забавно и характерно:

Милостивый Государь,
Александр Сергеевич!

То, что Вы усмотрели из прилагаемого при сем, не есть опыт, а просто выражение той мысли, какою я увлекся, урвав, для отдыха, минуту у многотрудного и пока еще скучного занятия моего. Согласившиеся на некое мое желание, может быть, по молодости моей, весьма легкомысленное, избрали для меня однако ж такой род изучения, где я исключительно должен посвятить себя синусам и косинусам, где обязуюсь верить, не требуя божбы, что 2 руб. < на 4 руб. = не 8, а 800 рублям и проч. т. п., а чуть лишь заикнусь на счет этой науки, отвечают: взявшись за гуж, не говори, что не дюж. С видом спокойным, но скрепя сердце, принимаюсь за этот гуж, дабы, признаюсь вам, не показать легкомыслия и по мере сил достичь цели своей. Из этого вы видите, смею ли я пытаться в чем-либо другом, ре-

шившись уже на одно с твердостью характера. Ах, Александр Сергеевич, дух-то бодр, да плоть немощна. Главное, что меня ужасает и заставляет, очертя голову, избрать совершенно другой род службы — противной гражданской, так это сидячее, бесцветное, как вода, занятие, коим вырабатывается, в поте лица, пенсия будущей жене, т. е. скоропостижной вдове, или детям имеющего умереть на службе чиновника. Но это в сторону. Александр Сергеевич! положи руку на сердце и скажи по чистой совести (я весьма далек от самолюбия), достоин ли первенец мой чести: подвергнуться, через посредство „Современника“, суду благоразумной критики, чтобы, так сказать, почтительно быть ею наказанным за первое и, надеюсь, последнее отступление мое от своих занятий?

Я к Вам заходил на прошедшей неделе, но благообразный слугитель Ваш, доложив мне, что Вы, живя теперь на даче, редко заезжаете сюда и то, говорит, покажетесь, как огонь из огнива. Поэтическое сравнение это напомнило мне французскую поговорку: *tel maître, tel valet*. Я ушел с надеждою: доставить Вам через него свою челобитную и получить резолюцию Вашу через него же.

В прилагаемом найдете, в конце, одно изменение на случай, если невозможно оставить прежнего выражения. Впрочем, всё в Вашей воле.

Сделайте одолжение, умоляю, Александр Сергеевич, почтите хоть ответом. Я уж не знаю как и просить Вас. Зачем Вы не генерал, не граф, не князь? поверите ли, если сто раз не употребишь: Ваше пре-

восходительство! Ваше высокопревосходительство!!
Ваше сиятельство!!! Ваше графское сиятельство!!!!
Спятельнейший князь!!!! и выше..., то кажется как-
то и просьба слаба, никуда не годна и вовсе не
'просьба.— Однако пора кончить: во многоглаголании
бо нет спасения, при том же мне надобно решить
следующую задачу: нововыезжей в Россию французской
мадаме вздумалось ценить свое богатство в че-
модане: новой выдумке народное фуру и празднич-
ной чепец а ла фигаро; оценщик был Русак, сказал
мадаме так: богатства твоего первая вещь фуру впло-
четверта дороже чепца фигаро; вообще же стоят не
с половиною четыре алтына, но настоящая им цена
только сего половина; спрашивается каждой вещи
цена, с чем французенка к Россам привезена?

Принимаясь решать этот балагурный вопрос
с отличным почтением и таковою же преданностью
имею честь быть с каковою... виноват, совсем за-
былся, я ведь дал себе клятвенное обещание не под-
водить, если можно, под такой конец письма. Точно,
теперь верю, правду говаривал один из наших чи-
новников, что привычка есть вторая природа натуры.
Но так кончилось! что же делать, пускай это на-
писано, как он же говаривал, для рго формы.

Простите и не судите обо мне строго.

19 июля 1836 г.

Если б я не знал, что Вы bon vivant, я не осме-
лился бы написать к Вам в таком вкусе писульку.

Но все приведенные нами обращения к Пушкину бледнеют перед письмом в стихах, которое адресовал поэту отставной подпоручик и убогий стихоплет, как он сам себя называет, Ф. Яковлев. Письмо написано в 1836 году. В то лето Пушкин жил на даче, на Каменном Острове, в доме Доливо-Долинского. Пушкин жил в хлопотах, литературных и семейных; возился с „Современником“; а 20 мая у него на даче же родилась дочь Наталья. Вот курьезное письмо:

Милостивый Государь.

Александр Сергеевич!

От моей квартиры к Вам,— Ах, улицы длинны!
Пока туда дошел; я довольно напотел
в субботу,— для того: что Вас, конечно, хотел
видеть.— Но в тот день бог дал Натальи крестины —

О! рости, красная дочь! нашего поэта.—
А как совершатся тебе лета,
Да снисполлет! мужа! бог! к удивлению света.—
И Доброго парня и юного цвета —
Таков да будет, пусть во всем он, и певец,
Как Александр Пушкин! а твой милый! Отец! —
Богатого смиренного права человека,
Живите в щастьи хуж и четыре века.—

Да по одиночке, прошу не умирать!
Пусть поживут, ровно с Вами, отец и мать.—
Тогда, можете и их с собой забирать.—

О! Пушкин!!! помоги мне... слезы утирать,
Не выпутаюсь, вот никак! — я видь пропал!
Полез не за своим... да и в яму попал —
Добродетель!.. тупым тожь пером, прославлю

. Твою! — когда счастье мне, такое доставишь?
Скажи!.. написанный стих — тобой — Я! исправлю.—
Не перестану! Тебя вовек жизни, благославлять!—
Прошу! исправ!!! мой тяжелый труд..
С погрешностей! — так? — как?.. грязный труд.
С каковыми имею честь нынче к Вам! предстать.—
В прозе, выслушанным быть! хочет себя ласкать

Милостивого Государя

Преданный слуга

убогий стихоплет

Ф. Яковлев Отставн. подпоручик.

1836 года, Июня 29 дня, Санкт-Петербург.

4-й части 4-й квартала, дом купца жены Сухаревой № 130
у малого Калинкина моста.— Квартирую.

Просьба отставного подпоручика весьма скромна —
всего-навсего о том, чтобы Пушкин снизошел до
исправления исключительной дребедени убогого сти-
хоплета. Но этот действительно существовавший под-
поручик Яковлев сродни вымышленному Достоев-
ским капитану Лебядкину в „Бесах“:

Жил на свете таракан,
Таракан от детства
И потом попал в стакан
Полный мухоедства.

Эти „опыты“ Лебядкина несомненно созвучны сти-
хам пушкинского поклонника.

П. Щеголев

МОСКОВСКИЙ
ПУШКИНИСТ

II

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
Под редакцией
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ»
МОСКВА — 1930

lib.pushkinskiydom.ru